

Мост через реку Сэну в районе «Трокадеро»

Рис. худ. М. П. Бобышова

этнографических материалов и в ряде сцен мы видим превосходно сделанные с обычной для театра четкостью пантомимической игры, бытовые сцены: переноска тяжестей под звуки китайской заунывной песни, жизнь порта с его повседневными типами: дирижером, продавцами, бродячим комедиантом. Эти сцены, мало имеющие отношения к основной интриге, являются между тем необходимыми деталями, оформляющими все происходящее на сцене.

Гораздо слабее — сцены на канонерке, здесь еще не преодолен обычный штамп изображения «разложения буржуазии»: фокстрот, глухие выходы, карикатурных не в меру персонажей, кстати сказать слабо играющих. Но не в этом суть спектакля, главное в нем — масса, цель — показ революционного роста ее. И вот это сделано поистине мастерски. Из бессловесных движений она превращается в горящий единым порывом к борьбе, организмы. И до ее многогранно, здесь и кантонский, зовущий к организованному восстанию и проводник-студент и старик, жгущий собою, во имя будущих побед остающихся в живых. Каждый очерчен с изумительной четкостью и экономней выразительных средств.

Тягучие паузы, заполненные игрой толпы, тревожные звуки сирены, или унылой китайской музыки создают общее настроение напряженности и неизбежности катастрофы, подчеркивая тем самым трагический тон всего спектакля. И, не смотря на гнетущие сцены насилия европейцев, принужденной покорности китайских кули, спектакль

зовет к борьбе, великой ненависти к угнетателям и копается бодрой надеждой на победу; если в первых сценах китайцы раступаются перед стаком европейца, то в заключительной сцене даже вооруженные до зубов английские моряки уступают свое место надвигающейся толпе китайцев, наконец вся сцена полна готовыми браться в бой недавними рабами, а теперь бойцами.

В первую же неделю Театр Мейерхольда показал еще две, уже знакомые Ленинграду, постановки — «Лес» и «Мандат».

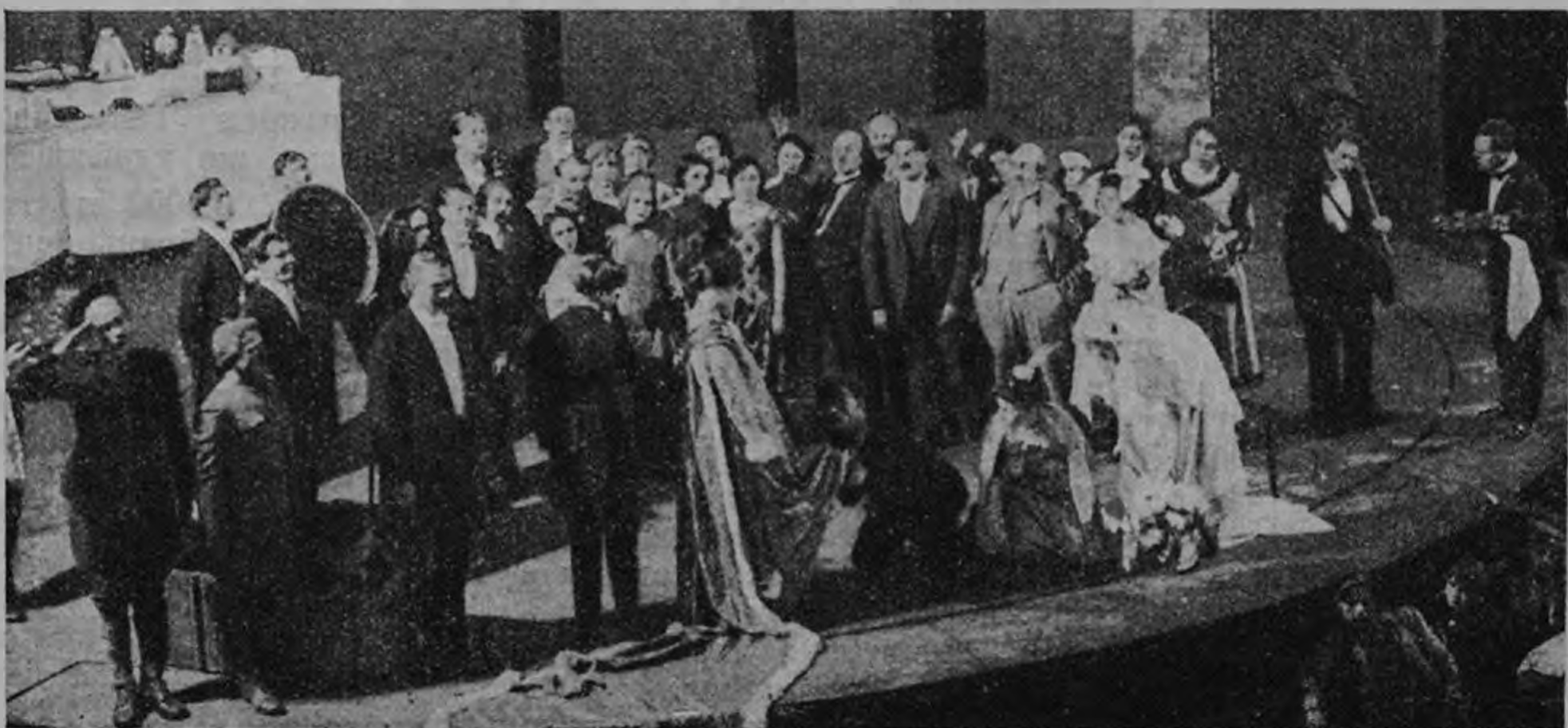
«Лес» — первый спектакль, заставивший заняться театр серьезным критическим пересмотром классического репертуара, остается и теперь, после трех лет его появления на сцену, таким же действенным, увлекательным спектаклем, каким был в дни своей премьеры. Романтика Несчастливца — актерского Дон-Кихота, эксцентрическая буффонада Счастливицы, лирика Аксюши и Петра звучат на сцене полною жизнью и весь спектакль остается непревзойденным мастерством нового театра, живым показом системы Мейерхольда. Теперь спектакль сжат, вместо 33 прежних эпизодов всего — 29, большинство сокращений пало на эпизоды второй части, спектакль от этого получил, пожалуй, еще большую архитектурную целостность.

Иначе воспринимается «Мандат». В дни первого его показа Ленинграду в августе 1925 года наибольший интерес вызвала, пожалуй, пьеса, а не ее постановка. Прошло несколько времени и «Мандат» оказался таким же пустым цветом,

как и ряд других неудачных комедий наших дней. Повсеместные постановки комедии Эрмана в больших и малых театрах окончательно убили интерес к пьесе, имеющей вообще малый удельный вес. Теперь зрителя интересует лишь сценическое воплощение «Мандата» в Театре Мейерхольда, конечно такое же тщательное и механически точное, как и все спектакли этого театра, поставившего во главу своей работы научные методы актерского мастерства и использование технических средств современности в применении их к театру.

Б. Мазинг

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА МЕЙЕРХОЛЬДА В ЛЕНИНГРАДЕ

„Мандат“ пьеса Эрмана — III акт

КРАСНАЯ ТАБОРАМА

КРАСНОЕ
ИЗДАНИЕ
Р. И. БОЫШОВ

Художник М. П. Бобышов

Цена № 15 к.

Издание «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»

№ 38

16 сентября 1927 г.